

Методологические проблемы современной историографии сексуального насилия на Западе и в России

Марианна Муравьева

«Имеет ли сексуальное насилие исторический смысл?» - этим вопросом Рой Портер в 1986 году возбудил временно поутихшие дискуссии по поводу методологических подходов к изучению сексуального насилия в историческом аспекте. В результате историографического анализа Портер пришел к выводу, что сексуальное насилие не должно рассматриваться в качестве трансисторического, универсального понятия, ибо в таком случае это приводит нас к эссенциализму и простому объяснению сексуального насилия посредством «присущих мужчинам особенностей анатомии»¹. Здесь, конечно же, Портер критиковал традицию, заложенную Сюзан Браунмиллер в ее знаменитой книге «Против нашей воли»², которая, кстати, так и не переведена на русский язык. Радикальное крыло феминизма всегда рассматривало сексуальное насилие как нечто универсальное, характерное для *всех* культур и исторических периодов.

Лозунг «патриархат есть религия насильников», сформулированный Мэри Дейли в 1978 году³, точно отражает феминистскую критику данного гендерного порядка. Тем не менее, несмотря на силу и вдохновение радикального феминизма, несмотря на огромную практическую работу, проделанную различными организациями по защите женщин от сексуального насилия, историки и антропологи все больше склонялись к идее о том, что такое понятие, как «сексуальное насилие», не имело универсального значения и существования в историко-антропологическом контексте, ибо каждое отдельно взятое общество в отдельно взятый период истории разрабатывало свои собственные представления о власти, теле и сексуальности, а эмпирические данные антропологических исследований показывали, что уровень сексуального насилия является различным в разных обществах⁴. Используя антропологическую методологию и исходя из посылки примата культуры над биологией, историки, тем не менее, установили очевидную связь между зарождением национальных государств на Западе и формированием дискурса сексуального насилия как преступления против морали и нравственности (а не собственности), а также как преступления, совер-

шаемого на *биологической почве, как правило, неменяемыми маньяками*. С другой стороны, волна сексуального насилия, захлестнувшая западные общества, подпитывалась идеологией политических и властных отношений, базирующихся на практике и теории разного рода завоеваний и экспансий, побед и поражений, представлявших часто через дихотомию женского/мужского и легитимирующих насилие в любой сфере. Завоеватель и победитель превратился в героя, тем более, в сфере сексуальных отношений. Женщины были виктимизированы и объективированы до такой степени, что даже гинекология превратилась в XIX веке в исключительно мужское занятие.

Несмотря на очевидную актуальность понятия «сексуальное насилие» для изучения современного гендерного порядка и источников его формирования, библиографию по этому поводу вряд ли можно назвать обширной. Ситуация же в отечественной историографии выглядит более чем плачевно. Не считая буквально двух-трех статей, история сексуального насилия в России остается полем, которое возделывают западные историки-слависты (Ева Левина, Лора Энгельштейн, Нэнси Коллман, Стефен Френк и даже Дэвид Кайзер). В чем причина такого пренебрежения столь важной темой? В недостатке источников для исследования? В отсутствии релевантной методологии? В идее о том, что культура должна обходить «это» молчанием?

Отсутствие исследований по истории сексуального насилия не есть специфически российская черта. На Западе только благодаря женскому движению и вызванной им реформе образования, то есть организации программ женских исследований в университетах, начало развиваться изучение сексуального насилия и его истории. Основной проблемой стал поиск параметров и путей изучения сексуального насилия в обществах прошлого. Вопросы, которые ставились специалистами на повестку дня (что произошло? с кем? почему?), в целом интерпретировались в рамках сугубо хронологических, то есть, в рамках развития европейского общества между XV и XX веками; концептуальное же объяснение, так или иначе, касалось той или иной формы социальных и/или экономических отношений. Но данный способ изучения сексуального насилия оказался труден по причине характера источников, которые также не представляли собой единого целого. В связи с этим изучение сексуального насилия до сих пор сводилось в основном к анализу его сущностных характеристик и интерпретации дошедших до нас источников. Лидерство в этой области остается за культурными репрезентациями сексуального насилия в виде текстов и визуальных источников⁵. Таким образом, изучение данного вопроса на Западе велось в рамках двух направлений, чьи источники лежали на поверхности: литературоведческой критики и истории права.

Феминистская литературная критика позволила создать первые концепции сексуального насилия: анализ таких произведений, как «Изнасилование Лукреции» Шекспира⁶, «Прекрасная фея» Спенсера⁷, «Кларисса» Ричардсона⁸

и др. стал первым опытом изучения сексуального насилия в текстах. История права давала непосредственные эмпирические данные о частоте и количестве случаев изнасилований в разное время: сохранившиеся судебные дела, сборники законов, трактаты юристов, - все они предоставляли в руки исследователей обширный материал для работы. Особенный бум изучения юридического дискурса насилия наблюдался в области медиевистики⁹. Только в начале 80-х гг. XX века изучение сексуального насилия вышло на новый аналитический уровень, где насилие стало коррелятом официальной политики сексуальности, отношения к телу, гендерного порядка и патриархата.

Одна из ведущих исследовательниц этой проблемы - Анна Кларк - провела скрупулезное изучение взаимосвязи и взаимовлияния властных отношений, дискурса сексуального насилия и восприимчивости общества к женскому историческому опыту в своем скрупулезном анализе сексуального насилия в Англии между 1770 и 1845 годами, то есть, в период зарождения индустриального общества и складывания классовых отношений (многие британские историки считают формирование классового общества неотъемлемой составляющей индустриализации). Главной гипотезой Кларк стало утверждение о том, что сексуальное насилие изменило свою функцию в процессе нарастающей динамики обретения мужчинами власти и усиления женского сопротивления этому. Идеология нарождавшегося среднего класса конструировалась вокруг понятия женской невинности, что на практике означало низведение существования женской сексуальности до уровня, подконтрольного мужчинам, прежде всего, отцам и мужьям (то есть контроля над девственностью дочерей и чистотой жен, а также и регулирования супружеского секса). Женщины, потерявшие невинность, переходили в разряд «падших» и, вне зависимости от приведших их к этому состоянию причин, несли ответственность за свое «падение». «Рыцарский» же кодекс поведения по отношению к женщине получил причудливое возрождение в рамках идеологии «либертинства», санкционировавшей неконтролируемую канализацию мужской сексуальности, что, с одной стороны, все еще сохраняло идею битвы за женщину по правилам «честной игры», но не обязательно устанавливало ответственность за последствия завоевания¹⁰.

Эти изменения лишили женщин возможности говорить о сексе и о сексуальном насилии. Суды на практике относились к женщинам как виновницам свершившегося над ними сексуального насилия просто потому, что те смели заявить об этом в суд. Дома же от женщин требовалось полное подчинение мужу или отцу в обмен на защиту, но отец и муж в рамках традиционной патриархатной системы могли использовать насилие или, по крайней мере, угрозу его применения в качестве средства контроля и воспитания. В качестве примера Кларк использует знаменитое дело об убийстве Мэри Эшфорд (1817 год), молодой работницы, чье тело со следами синяков и насильственного полового акта нашли в поле недалеко от таверны, где накануне она танцевала на вече-

ринке, а затем отправилась домой в сопровождении Абрахама Торнтон. Торнтон судили по подозрению в убийстве и . . . оправдали. Это дело вскоре превратилось в показательный пример «патриархата в действии». В изображении газет а затем романов Торнтон превратился в «Торнвилля», аристократа-либертина, а Эшфорд - в чистую и невинную героиню¹¹. Торнтон оказался в центре классово-гендерных отношений, на перекрестке проблем формирования гендерной идентичности, трансформации рыцарского кодекса поведения в джентльменский и рождения новой сексологии и психиатрии¹². Газеты позиционировали его как некоего монстра, абсолютно невменяемого маньяка. Не могу удержаться от цитирования следующего отрывка: «Участники спора изображали его "неестественным", "безумным", "ужасным зверем, совсем не похожим на нормального мужчину". Но громче всех гремел голос яркого защитника Мэри - почтенного Люка Букера: "Мэри Эшфорд была захвачена диким сабинянином, и после того, как он самым жестоким образом обошелся с ней, сей грязный извращенец бесчеловечно принес ее в жертву своей ненасытности!"»¹³ Все эти определения: зверь, извращенец, насильник, маньяк, использовались для объяснения самого факта сексуального насилия. Апофеозом подобного представления насильника стал Джек Потрошитель, чьи убийства в 1888 году потрясли не только Англию, но и всю Европу, включая Россию¹⁴. В этот дискурс также вплетался и национальный вопрос: Потрошитель представлялся евреем, «Торнвилль» - сабинянином, рождая конструкт «чужака-насильника со звериным оскалом», что было тесно связано с проблемой определения данного поведения как девиантного.

Концепция девиантности последовательно излагается Роем Портером в уже цитированной нами статье «Имеет ли сексуальное насилие исторический смысл?» По его мнению, сексуальное насилие (в особенности с учетом контекста появления патриархатных европейских национальных государств) является социально разрушительной деятельностью отдельных маргинальных элементов, и именно поэтому не входит в интересы тех, кто поддерживает патриархатную власть. Маргинальными же элементами представляются мужчины (особенно молодые), которые «еще не втянулись в патриархат, где были распространены классические роли отца и мужа . . . [которым таким образом]... не доставало базовых характеристик зрелого патриарха - богатства, собственности, должности, «положения»¹⁵. Как бы подтверждая идею Портера, Жак Руссо обнаружил 125 дел об изнасилованиях, случившихся в Дижоне между 1436 и 1486 гг., 80% из которых представляли собой групповые нападения (от 2 до 15 человек), около 85% дижонских насильников составляли «молодые горожане», многие из которых были к тому же холостяками. Нападения случались с периодичностью одного или двух раз в месяц, а жертвами становились незамужние или овдовевшие женщины, или те замужние женщины, чьи мужья находились в отъезде. Обычно женщину похищали из дома, затаскивали внутрь

крепостных стен и осуществляли групповое изнасилование¹⁶. Дижонская модель сильно напоминает ту, которую использовали братства в американских университетах 80-90-х гг.¹⁷ Но можно ли считать дижонскую молодежь или элитные американские братства - «маргинальным элементом»? Да, они молоды и неженаты, ходят группами и озабочены сексом, но выносит ли это их «на поля», за пределы общества?

Руссо связывает поведение дижонских парней с определенного рода демографическими моделями, в рамках которых пожилые мужчины часто женились на молодых женщинах или быстро вступали во второй брак в случае смерти первой жены. Молодые парни жестко конкурировали с ними из-за жен. Таким образом, в определенной степени эти нападения являлись борьбой между молодыми и пожилыми мужчинами за статус, подтверждением которого становилось обладание женским телом. Однако Руссо прекрасно демонстрирует, что местных патриархов мало волновало поведение молодежи. Городской совет практически ничего не предпринимал с целью поставить это поведение под контроль. Автор считает, что «сексуальное насилие составляло норму и являлось постоянным явлением городской жизни» и что изнасилование «должно быть, составляло ритуал подлинной инициации или вирилизации для местных юношеских банд»¹⁸. В действительности поведение молодежи наоборот помогало поддерживать патриархатный социальный порядок (который им предстояло контролировать по мере взросления) посредством подчинения женщин, то есть сексуальное насилие являлось необходимым инструментом сохранения патриархатной власти.

Английский историк Эдуард Шортер несколько по-иному интерпретирует сексуальное насилие в доиндустриальной Европе: по его мнению, изнасилование являлось своего рода сдерживателем мужской сексуальной фрустрации, наступавшей, как правило, после продолжительного нахождения в браке¹⁹. Он считает, что большинство мужчин-европейцев не могли удовлетворить свои сексуальные побуждения, девиантные же желания они были не в силах держать под контролем. Тем не менее, выводы Руссо на примере Дижона конца XV века показывают, что это совсем не так. Проституция практиковалась открыто, в большинстве городов этого региона существовали общественные бордели, «спонсировавшиеся» городскими советами. Местные власти выдавали специальное разрешение на занятие проституцией «аккредитованным» проституткам - публичным женщинам. Другими способами канализации сексуальных желаний могли являться публичные бани и публичные дома, проститутки обслуживали мужчин всех возрастов и состояний, однако сексуальное насилие оставалось постоянным явлением.

Все эти данные показывают совершенную бесполезность попыток объяснения сексуального насилия через простые «сексуальные фрустрации». Дэвид Лизак считает, что объяснения мотивации поведения насильников следует ис-

кать скорее в социокультурном контексте гендерной системы, нежели в проблемах биологии пола или сексуальности²⁰. Изучая культурные и психологические перспективы, Лизак связывает «дистанцированное от отца воспитание ребенка и культуру насилия», используя данные психологических исследований, где отсутствие отца или наличие отца-агрессора является общим местом в биографии насильников. В его представлении подавление женских черт характера, необходимых в процессе становления мужественности, особенно трудно в отсутствие отца, что делает мать единственным объектом гнева. Роль же матери, культурно детерминированная в качестве нормативной для практик воспитания ребенка, но одновременно связанная с высоким уровнем гендерного неравенства, в конечном итоге лишается своей культурной автономии, и мать оказывается неспособной бросить вызов такого рода практикам. Ненависть, преследующая растущего мальчика, обретает общие формы направленности против *всех* женщин или *других* женщин, и может, таким образом, создать мотивацию сексуального насилия²¹.

Тесно связана с идеей Лизака концепция «сексуальных сценариев» (sexual scripts), разработанная Стеви Джексон. Главная цель концепции - описать те роли и ситуации, которые бы «предоставили мотивацию сексуального поведения». Сама идея «сценария», по мнению автора, позволяет интерпретировать, формировать или санкционировать определенные типы сексуального поведения, которое по сути своей постоянно меняется. Поэтому в каждом сценарии существует свое собственное описание «нормы», что является его стержнем и затем выступает в качестве оправдательного мотива поведения, позволяя интерпретировать его как «нормальное». Таким образом, рассматривая сценарии насильников, мы можем обнаружить и мотивацию их поведения. Главным моментом в таких сценариях будет момент оправдания, соответствия норме, часто превентивная нейтрализация вины. Это означает, что не существует особых типов мужчин, которые склонны к насилию, - лишь доступность определенных сценариев, специфика окружающей социальной среды, особенности отношения насильника и жертвы приводят к сексуальному насилию. Изнасилование, таким образом, не является девиантным или маргинальным поведением, это «просто крайнее проявление принимаемых в нашей культуре паттернов взаимоотношения мужчины и женщины... некий неофициальный базис для нашего *status quo*»²².

Следуя концепции Джексон, Николь Уорд Джув рассматривает дело йокришского Потрошителя - Питера Сатклифа, в период между 1975 и 1980 годами убившего и изуродовавшего 13 женщин и искалечившего еще семерых. Автор подробно описывает мизогинистский агрессивный сценарий маскулинности, насаждавшийся отцом, братьями и сверстниками Сатклифа, который и обеспечил достаточное для самого Сатклифа объяснение его поведения. С другой стороны, неэффективность полицейского расследования, где этот сценарий

также являлся весьма влиятельным и распространенным, только подливали масла в огонь и провоцировали Сатклифа на новые действия, так как он усматривал в этом поощрение своему поведению со стороны властей. Он называл всех женщин «шлюхами», показывая, что они заслуживали того, что получили²³.

Шейни Д'Круз, анализируя концепции, разработанные историками в конце 70-х-80-е гг., пришла к заключению, что для объяснения и изучения мотиваций сексуального насилия необходимо связать воедино патриархат, властный дискурс и социальные отношения. Только здесь сексуальное насилие сможет рассматриваться как критически важная точка одновременно пересечения и разграничения властных отношений в соответствии с гендерными, классовыми и возрастными характеристиками. Она считает необходимым инкорпорирование основных идей в методологию любого историка, что означает поиск доказательств мужской насильственной культуры с учетом специфики исторической обстановки и рассмотрение сексуального насилия в качестве частного случая насилия против женщин в целом. С ее точки зрения, прекрасным примером может служить изучение популярной культуры британского рабочего класса XIX века²⁴.

Мы подробно остановились на изложении основных концепций 80-х гг., так как именно они создали те методологические рамки, внутри которых продолжилось развитие исследований сексуального насилия в 90-х гг. За последнее десятилетие появилось большое количество конкретных исследований сексуального насилия в отдельных странах и регионах. Основная тенденция историографии 90-х - это «удревнение» истории сексуального насилия. Исследователи 80-х акцентировали свое внимание больше на XIX-XX вв., пытаясь обнаружить непосредственную связь между всплеском сексуального насилия в прошлом и увеличением насилия против женщин в современном им обществе. Женское движение, дав мощный импульс к развитию изучения сексуального насилия, нуждалось в четких, а главное непосредственных исторических объяснениях. Последнее десятилетие открыло перед историками новые перспективы изучения насилия: в рамках постмодернистской критики истории и анализа источника стало возможным, например, изучение раннесредневековых источников с новой, непривычной точки зрения. Более того, применение новой методологии коснулось не только литературных текстов (как, например, изучение проблемы сексуального насилия в ренессансной литературе или литературе XVII века²⁵), но и традиционных исторических источников, таких как хроники и юридическая литература (варварские правды, своды законов, комментарии юристов).

Другой тенденцией историографии последнего десятилетия стало появление общих работ по истории сексуального насилия на протяжении большого отрезка времени²⁶. Благодаря развитию постмодернистской феминистской критики и так называемого «движения против насилия», сформированного ради-

кальными феминистками, обобщающие работы по истории сексуального насилия вышли на новый уровень осмысления насилия как источника формирования идентичности и субъектности женщин и мужчин. Жорж Вигарелло в своей книге «История сексуального насилия во Франции XVI-XX вв.» отметил, что «история насилия должна отразить незамеченное нами рождение видения субъекта и ее внутренней жизни»²⁷. Сабина Зильке, продолжая его мысль на американском материале, помещает сексуальное насилие в контекст характерной схемы «раса-класс-гендер», где доминантный нарратив имеет свою национальную специфику, даже в том случае, если он опирается на общие символические формы (такие как миф) или паттерны (такие как «отличение» сексуального насилия). Развивая далее феминистский дискурс Дворкин/Макиннон, Зильке видит центральную парадигму риторики насилия, как она предстает пред нами в американских текстах последних двухсот лет, ограниченной не просто насилием и молчанием, но расширенной до насилия, молчания и придания новой формы (*refiguration*), основанной на вытеснении и замещении. Таким образом, риторика насилия выступает одним из дискурсов, с помощью которых происходит присвоение *различий* жертвам и насильникам, а субъект, присваивающий эти различия, остается одновременно незамеченным и неограниченным в своих (его/ее) возможностях²⁸. Использование постмодернистских концепций интерпретации текста хорошо видно на примере анализа средневековых поэм и хроник. Возможности постмодернистской методологии продемонстрировали Лори Финк и Мартин Шихтман в своем исследовании взаимодействия сексуального насилия и формирования концепции империализма в хрониках Васа и Лайамона²⁹. Исходя из идей Славоя Жижека, они в меньшей степени озабочены конкретной историей сексуального насилия в Англии XII в., в большей степени их интересует воображаемый конструкт, складывающийся при начертании истории и выступающий в качестве симптома, который функционирует как «объединяющий момент» (*point de capiton*), связывающий воедино изменчивые элементы, из которых состоит идеологическое пространство, таким образом создавая и поддерживая определенный идеологический формат. В центре их изучения «Роман о Бруте» Васа, англо-норманнского поэта конца XI века и его переложение Лайамоном, английским монахом-отшельником, жившем в конце XII в. Авторы концентрируются на эпизоде похищения и насилия над Элейн и мести Артура за надругательство над ней. Они подчеркивают, что дискурс сексуального насилия в данном случае маркировал определенное недопустимое для аристократа поведение, то есть был исключительно социально окрашенным. Элейн является воплощением красоты, нежности, достоинства, аристократизма и асексуальности, что особенно подчеркивается сравнением с ее кормилицей, также пережившей сексуальное насилие, которое в ее случае представляется однако как дозволимое, потому что кормилица не принадлежит к аристократическому кругу. С другой стороны, похититель-на-

сильник к тому же еще и пришелец, чужак (великан Сен-Мишель, некий экзотический аутсайдер, родом вроде как из Испании с намеком на мусульманские корни), что не делает ему чести. Так сексуальное насилие становится «объединяющим моментом», создающим особое идеологическое поле, внутри которого происходит попытка разграничения границ между теми, кто рожден в богатстве, и теми - кто в бедности, теми, кто обучен воевать, и всеми остальными, но, прежде всего, между «своими» и «чужими».

Постмодернистский взгляд на сексуальное насилие уравнивается своеобразным «возвращением к дарвинизму». Пегги Р. Сендей относит существование высокого уровня сексуальной агрессии к недостатку «общественного инстинкта», то есть, способности к кооперативному поведению, которое характерно для людей и других млекопитающих как класса. Основывая свои выводы на эволюционной теории Дарвина, она утверждает, что отсутствие этого инстинкта «может привести нас к социальному исчезновению по мере того, как общество, воюющее против самого себя, будет разрушаться». При этом сексуальное насилие выступает как социокультурный конструкт, формируемый обществом, исходя из его отношений с окружающим миром³⁰. Эволюционная теория при объяснении сексуального насилия становится центральной в весьма спорной книге Р. Торнхилла и К. Палмера «Природная история сексуального насилия». Они пытаются отвергнуть феминистскую идею о том, что насильник (мужчина) при осуществлении изнасилования движим не сексуальным желанием, а вдохновением власти. С их точки зрения, этот миф ненаучен, изнасилование есть сугубо биологическое явление, возникшее в процессе приспособления человека к окружающей среде, опасность же сексуального насилия лежит в том, что оно нарушает основу эволюции человека: свободу спаривания. По мнению авторов, тем не менее, сексуальное насилие можно остановить, но только в том обществе, которое поймет эволюционную сущность насилия³¹.

По мере развития методологических аспектов изучения сексуального насилия, западная историография пришла к определенному концептуальному плюрализму, что свидетельствует о продолжающемся исследовательском поиске.

История сексуального насилия в *российской историографии* является сегодня «белым пятном», при том, что источники позволяют заниматься исследованиями наравне с зарубежными коллегами. Ева Левина и Лора Энгельштейн в своих работах убедительно показали возможность такого исследования на примере отечественных материалов³². Русская Правда, Устав Ярослава о церковных судах, различные уставные грамоты, дидактические церковные документы («Закон Судный Людем»), публикация епитимийных номкано-нов (пенинциалов), Соборное Уложение, публикация материалов Синода, наконец, Уголовное уложение Российской империи, трактаты юристов, художе-

ственная литература, - все эти источники дают бесценный материал для изучения сексуального насилия, отсутствует лишь исследовательский интерес. Но факт остается фактом - кроме нескольких западных исследований, история сексуального насилия в России остается невозделанной нивой. Еще парадоксальнее ситуация выглядит на том фоне, что исследование сексуального насилия в контексте современного общества в рамках гендерных исследований и юридических наук ведется весьма активно.

В целом всю литературу по проблемам сексуального насилия можно поделить на три направления: 1) криминологическая и юридическая литература, изучающая изнасилование как преступление в рамках современного уголовного права (сюда же относится и поток специальной судебно-медицинской литературы); 2) социокультурный анализ насилия как категории современной культурологии и философии; 3) гендерный и феминистский анализ³³ насилия против женщин, включающий по большей части работы по домашнему насилию. Все эти направления достаточно хорошо представлены, особенно первое, имеющую очень устойчивую традицию в русской криминологии, уходящей корнями в середину XIX века, с тем лишь отличием, что криминологи XIX столетия и даже 20-30-х гг. XX столетия уделяли повышенное внимание истории складывания дискурса сексуального насилия в современном им обществе³⁴, чего не увидишь в современных криминологических работах.

Исследования второго направления очень редко говорят о сексуальном насилии, также следуя глубоко укоренившейся традиции относить изнасилование и сексуальное насилие к мотивациям сексуального характера, но не к форме проявления агрессии или насилия. Третье направление относительно молодо, и у него еще не было возможности для создания серьезных аналитических работ, посвященных сексуальному насилию. В основном литература такого типа концентрируется на домашнем насилии - не столько изнасиловании или принудительном сексе, сколько на рукоприкладстве и насилии над детьми, хотя многочисленные кризисные центры уже публикуют результаты специальных исследований и *case-studies* на основе своих данных³⁵. Происходит активизация выпуска специальной литературы по криминологической сексуальности. Что касается феминистского и социокультурного блока, мы, напротив, замечаем сокращение количества публикаций. В то время как в криминологии уже появились монографии и фундаментальные исследования (разговор об их качестве - вопрос отдельный), блок феминистских и социокультурных исследований ограничивается сборниками статей, тезисов, материалов конференций или отчетов о работе кризисных центров.

Тем не менее, сексуальное насилие - не есть основная проблема для современного женского движения в России (если мы принимаем на веру то, что оно существует). Именно слабостью женского движения объясняется отсутствие стимулов для развития такого рода исследований. Кризисные центры

для женщин часто находятся в ужасном состоянии и существуют за счет добровольной работы кучки милосердных женщин, которые видят свой долг в том, чтобы оказать помощь скорее семье, чем конкретной женщине. Теоретическая литература, вместо оказания помощи, часто лишь усугубляет ситуацию, некоторые авторы спонтанно строят свои исследования на эссенциалистских основах, из чего получается, что так положено и поделаться с этим ничего нельзя. Приведем несколько примеров современного дискурса сексуального насилия в отечественной специальной литературе.

Ю.И. Сидоренко (кандидат философских наук, Костромская государственная сельскохозяйственная академия) в своем докладе на тему «Антропологические источники насилия и формы их социальной компенсации» утверждает: «Социо-сексуальная матрица поведения вида "хомо сапиенс" построена на более активном действии мужчины. Мужчина (самец) крупнее. Ревность самцов очень важна как фактор естественного отбора.... Самкой овладевает сильнейший»³⁶. Надо отметить, что этот материал помещен в специальном сборнике на тему насилия против женщин. Здесь встает закономерный вопрос: должен ли быть хоть какой-то отбор при публикации материалов конференций, особенно когда речь идет об очевидном непонимании проблемы?

При этом, однако, существуют резко контрастирующие с такого рода материалами антропологические исследования Т.Б. Шепанской, которая, используя теорию ресурсов при объяснении сексуального насилия, демонстрирует возможности современной российской антропологии в области изучения данного вопроса³⁷.

Криминологическая литература также полна всякого рода интересных наблюдений. О.Ю. Михайлова в своей монографии «Криминальная сексуальная агрессия: теоретико-методологический подход», которая «опирается на достижения отечественной психологии», а главное написана в рамках «естественно-научной парадигмы, принятой в психологической науке», утверждает: «И все же когда речь идет о сексуальной агрессии, то на первый план выходит отношение *субъекта к женщине* (курсив мой - М.М.). Именно сексуальность является главной и очевидной характеристикой, отличающей женщину от мужчины. Поэтому во взаимоотношениях с женщинами деструктивная активность направляется чаще всего именно на эту сферу. Причем она будет тем вероятнее, чем более акцентирована сексуальность в поведении и внешности женщины. Таким образом, нарушение отношения к женщинам может служить диагностическим признаком вероятности проявления сексуальной агрессии»³⁸. Вторя ей, Н.Д. Семенова предлагает практические усовершенствования нашего уголовного законодательства, а именно: в ч. 3 ст. 131 установить ответственность за деяния, совершенные с причинением тяжкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшей (потерпевшего), а действующую третью часть поместить под номером 4. При этом по ч. 3 предусмотреть наказание в виде лише-

ния свободы сроком от десяти до четырнадцати лет (из расчета по максимальной границе: *шесть* за изнасилование или насильственные действия сексуального характера и *восемь* - за вред здоровью) (курсив мой - М.М.). При этом: ст. 131, ч. 3 (изнасилование, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшей, заражение ВИЧ инфекцией и изнасилование несовершеннолетней) и ст. 132 ч. 3 (насильственные действия сексуального характера, среди них мужеложество, лесбиянство и иные с применением насилия, повлекшие смерть, заражение и т.д.) относятся к категории причинение *средней тяжести вреда здоровью по неосторожности* (курсив мой - М.М.)³⁹. Таким образом, изнасилование само по себе, хоть оно и признано преступлением против личности (тоже весьма спорный вопрос), все же легализуется только в контексте «вреда здоровью» (такой весьма пронаталистский подход а la Сидоренко), а то кто же, собственно, будет заботиться об увеличении человеческих ресурсов?

К сожалению, литература кризисных центров также не свободна от весьма распространенных стереотипов. Л. Кочкаева, психолог Пермского кризисного центра, так классифицирует жертв сексуального насилия: 1) те, кто ведет себя легкомысленно, неосознанно провоцируя сексуальное поведение преступника (девушка любит случайные знакомства, демонстрирует при общении придуманную ею сексуальную опытность); 2) девушки, которые сознательно провоцируют сексуальную агрессию преступника, считая, что в последний момент смогут легко выйти из сложившейся ситуации; 3) случайные жертвы. Далее, предлагая пути выхода из сложившейся ситуации, она замечает: «На Западе движение феминисток стало мировым вариантом убежища от насилия, безысходности, от любых отношений с мужчинами. К сожалению, оно *противостоит не только насилию, но и мужчинам вообще* (курсив мой - М.М.). Работающая феминистская концепция: есть место, где женщины скрываются от насильников, где встречаются претерпевшие насилие и вместе вырабатывают действия против мужчин... Психология и менталитет россиян имеют иные исторические корни сложившихся отношений мужчины и женщины, где события инквизиции и рабства не закрепились в глубинах бессознательной русской души».⁴⁰ А что же закрепились в глубинах бессознательной русской души? Ответ прост: скромность и достоинство, присущие пушкинской Татьяне, регулярное чтение Библии, послушание и духовность. То есть, те женщины, которые не желают подвергнуться сексуальному насилию, должны вести себя соответствующим образом, ответственность ложится на них, потому как с мужчинами все понятно: исходя их цитированных выше источников, можно понять, что всего лишь один человек участвует в самом акте сексуального насилия, и человек этот - женщина.

Тем не менее, в целом проводимая кризисным центрами исследовательская работа является очень ценной. В частности, сотрудники «Петербургского кризисного центра психологической помощи жертвам насилия», на протяжении

многих лет проводят исследования о распространенности мифов относительно изнасилования у различных категорий специалистов, включая психологов, психиатров, психотерапевтов, юристов, милиционеров. Результаты оказываются неутешительными. Подавляющее большинство считает, что очень часто жертва сама виновата в насилии, провоцируя его тем или иным «неправильным» поведением или стилем одежды⁴¹. Продолжая свои исследования, Н. Ходырева предлагает изучение конструирования маскулинности как неотъемлемой части объяснения причин насилия. С ее точки зрения, необходим акцент на «ситуативности, на анализе совокупности таких факторов, как безнаказанность или сложность доказательства вины насильника, удобные обстоятельства для насилия..., статус сторон, незащитность пострадавшего ... и т.д.»⁴².

Одна из причин такого положения дел в историографии, где качественные аналитические исследования тонут в океане откровенно некачественных работ, напрашивается сама собой: во всех вышеприведенных отрывках мы сразу же замечаем не просто игнорирование аналитического уровня осмысления проблемы, но феномен *отсутствия языка*. Криминология имеет свой четкий инструментарий для определения изнасилования и иных действий сексуального характера, который часто становится исключительно эротизированным в своей детализации описаний. Многочисленные книги Антоняна о сексуальных преступлениях и патологиях наполнены описанием мельчайших подробностей и деталей (по нашим подсчетам, эти подробности составляют от 70 до 85% всего текста⁴³). С этим тесно связано и место, отводимое сексуальному насилию в криминологическом и культурном пространстве: сексуальная патология, агрессия, психические расстройства, маньяки - вот акторы это ужасного преступления. Художественная литература - единственный, пожалуй, вид литературы вне криминологии, где мы встречаемся с сексуальным насилием, также изображает насильника как человека неполноценного, ненормального, начавшего с насилия свою преступную карьеру, но везде - это тип насильника «из кустов», то есть незнакомого посягателя, чьей целью все же остается удовлетворение патологической сексуальности. Такого рода идеи совершенно не вдохновляют на изучение истории сексуального насилия.

Свое влияние оказывает и тот факт, что в последнее время проблему формирования новой национальной и тесно связанной с ней гендерной идентичности, пытаются решить через возвращение к традиционному имперскому маскулинному образцу, через попытку соединить *российский имперский* образ русскости и *советский имперский* конструкт *человека* (=мужчины), вернуть отношение к России-матери как к женщине-жертве, «изнасиленной» печенегами, татарами, Наполеоном, белыми/красными, Сталиным, нами самими (в смысле мужчинами). Попытка защитить женщин связана с рассказами об ужасах эмансипации: здесь всплывает дискурс *игры по правилам*: либо вы женщины, милые, пассивные, слабые и непорочные, и тогда изнасилование - это преступле-

ние и довольно чудовищное, то есть исключительно порицаемое деяние, либо вы - эмансипированные, независимые феминистки, и тогда насилие - это то, как мужчина может получить свой секс, *ведь вы же сами этого хотели*, хотели стать как *мы* (мужчины) грязными животными, а у нас все решается силой. Вспомним риторику СМИ и частые высказывания людей в телевизионных интервью по поводу Беслана: *«самых беззащитных, женщин и детей...»* Вспомним лозунги на Дворцовой и Красной площадях: *«Россию не победить...»* - некий момент национального единения против терроризма, как и против фашизма, против Наполеона, против тевтонских рыцарей, против татар, печенегов и других. . В этом национальном единении не может быть голоса критики, нельзя говорить о специфике самого акта захвата женщин с иной позиции, чем в дискурсе *«наше будущее»*, а будущее - это генофонд.

История сексуального насилия, с идеологической точки зрения, является весьма опасным полем, так как неизменно приводит к формулированию тезиса о том, что сексуальное насилие - явление социокультурное, а не природное, что «изнасилование» - это культурный и идеологический конструкт, базисный элемент патриархатного общества. Современные исследователи выдвигают два основных определения сексуального насилия: в первом случае насилие выступает как общий феномен, одним из аспектов которого является сексуальное насилие, во втором случае - любое насилие есть гендерный феномен существующий в контексте патриархатных общественных отношений⁴⁴ и поэтому насилие всегда является сексуализированным, даже если эксплицитно полового акта и не наблюдается⁴⁵. В этом смысле мужское сексуальное насилие означает «насилие, происходящее дома, на рабочем месте или на улице; насилие, включающее расизм, гомофобию, ксенофобию и другие предрассудки; насилие на международном и глобальном уровне, включая торговлю женщинами и насилие против женщин в военное время»⁴⁶. Приведенная выше цитата обращает внимание на два момента: на поведение мужчин как группы и на вопрос о том, кому выгодно сексуальное насилие. Для тех, кто придерживается «сексуализированного» определения, эти два момента тесно связаны: именно мужчины как группа и получают выгоду от сексуального насилия или его угрозы, даже если они прямо в нем и не участвуют, и вне зависимости от их социального положения. В то же время классовая или расовая принадлежность женщины не защищает ее от сексуального насилия. Другими словами, государство решает, что является насилием, а что нет, поддерживая право мужчин нападать на женщин⁴⁷. Для тех, кто считает «насилие» определенным физическим действием, вопрос «кому это выгодно» не связан с проблемами дефиниции, то есть, возникает возможность порицать изнасилование, например, в качестве военного преступления и поддерживать обвинения против преступников, но это не ведет к выводам о поведении мужчин в качестве группы. В этом случае, мужчинам это не выгодно, наоборот, они даже могут косвенно пострадать, ибо на-

насиленные действия могут осуществляться против женщин - членов их семей⁴⁸. Тем не менее, данные идеи упускают суть проблемы: сексуальное насилие и по сей день является преимущественно мужским, даже насиленные действия сексуального характера, совершаемые женщинами, все равно маскулинизируются как в дискурсе, так и на практике, что приводит сторонников теории «сексуализированного насилия» к выделению мужского насилия в качестве главного фактора при формировании категорий фемининности и маскулинности. К. Корин считает, что мужское насилие становится принципиальной и даже ключевой характеристикой подчинения женщин в разных обществах и исторических ситуациях, укрепляя патриархат. В любом случае, изучение истории насилия крайне необходимо для понимания современной ситуации, так как очень быстро обнаруживается, что «границы и значение сексуального насилия как преступления, то, как мы определяем и судим его, являются *субъектами истории*»⁴⁹.

-
- ¹ R. Porter, «Rape - Does It Have a Historical Meaning?», in S. Tomaselli, R. Porter, eds., *Rape: an Historical and Social Enquiry* (Oxford, 1986), pp. 229-230.
 - ² S. Brownmiller, *Against Our Will. Men, Women and Rape* (New York, Fawcett Columbine, 1975), 472 p.
 - ³ M. Daly, *Gyn/Ecology: The Metaethics of Radical Feminism* (Boston: Beacon Press, 1978), xviii, 485 p.
 - ⁴ См. концепцию Пегги Р. Сендей, по которой все общества делятся на «склонные к сексуальному насилию» и «свободные от сексуального насилия» (rape prone и rape-free): Сендей П.Р. «Социально культурный контекст насилия: кросс-культурное исследование», *Гендерные исследования*, №6, 2002, с. 88-113. (оригинальная публикация: P.R. Sanday, «The Socio-Cultural Context of Rape: A Cross-Cultural Study», *Journal of Social Issues*, 37, 1981, pp. 5-27.
 - ⁵ См., например, статьи Ф. Цейтлинг, Н. Брайсона и К. Фрейлинга в: In S. Tomaselli, R. Porter, eds., *ibid.*; а также: R. Thompson, *Unfit for Modern Ears: a Study of Pornographic, Obscene and Bawdy Works Written or Published in England in the Second Half of the Seventeenth Century* (London: Macmillan, 1979), xii, 233 p.
 - ⁶ В русской традиции перевода «Похищение Лукреции» или просто «Лукреция». См.: Richard A. Bauman, «The Rape of Lucretia, Quod Metus Causa and the Criminal Law», *Latomus*, 52, 1993, pp. 550-566; Ian Donaldson, *The Rapes of Lucretia: a Myth and Its Transformations* (Oxford: Clarendon Press, 1982), 203 p.; Lynn Enterline, «„Poor Instruments“ and Unspeakable Events in *The Rape of Lucrece*», in Lynn Enterline, *The Rhetoric of the Body from Ovid to Shakespeare* (Cambridge: CUP, 2000), pp. 152-197;

- Carolyn D. Williams, «Silence, Like a Lucrece Knife: Shakespeare and the Meanings of Rape», *Yearbook of English Studies* 23, 1993, pp. 93-110.
- ⁷ Katherine Eggert, «Spenser's Ravishment: Rape and Rapture in „The Faerie Queene'», *Representations*, 70, 2000, pp. 1-26.
- ⁸ Terry Eagleton, *The Rape of Clarissa* (Minneapolis, University of Minnesota Press, 1982), 109 p.
- ⁹ John M. Carter, «The Status of Rape in Thirteenth Century England: 1218-1275», *International Journal of Women's Studies*, 7, No.3, 1984, pp. 248-259; John M. Carter, *Rape in Medieval England: an Historical and Sociological Study* (Lanham, MD: University Press of America, 1985), 185 p.; J.B. Post, «Ravishment of women and the statutes of Westminster», in J.H. Baker, ed., *Legal Records and the Historian* (London: Royal Historical Society, 1978), pp. 150-164; Nicholas Reynolds, «The Rape of the Anglo-Saxon Women», *Antiquity*, 62, 1988, pp. 715-718; Sue S. Walker, «Punishing Convicted Ravishers: Statutory Strictures and Actual Practice in Thirteenth and Fourteenth-Century England», *Journal of Medieval History*, 13, 1987, pp. 237-250.
- ¹⁰ A. Clark, «Rape or Seduction?: a Controversy Over Sexual Violence in the Nineteenth Century», in London Feminist History Group, ed., *The Sexual Dynamics of History: Men's Power, Women's Resistance* (London: Pluto Press, 1983), pp. 13-27; A. Clark, *Women's Silence, Men's Violence: Sexual Assault in England, 1770-1845* (London: Pandora Press, 1987), 180 p.
- ¹¹ A. Clark *Women's Silence, Men's Violence*, pp. 113-116; 124-126.
- ¹² См. об этом: Муравьева М.Г. «Лорд или джентльмен: к эволюции английских маскулинностей в раннее Новое время», *Социальная история*, ежегодник 2003. Женская и гендерная история (М.: РОССПЭН, 2003), с. 109-130; Муравьева М.Г. «Гендерный и национальный аспекты идентичности политической элиты (на примере британской политической элиты)», *Идентичность в контексте глобализации: Европа, Россия, США*, под ред. В.Н. Брюшинкина (Калининград: Изд-во КГУ, 2003), с. 205-218.
- ¹³ A. Clark, *Women's Silence, Men's Violence*, p. 114.
- ¹⁴ C Frayling, «The House Jack Built: Some Stereotypes of the Rapist in the History of Popular Culture», in S. Tomaselli, R. Porter, eds., *ibid.*, pp. 174-215; Judith R. Walkowitz, «Jack the Ripper and the Myth of Male Violence», *Feminist Studies*, 8, 1982, pp. 543-574.
- ⁵ R. Porter, *ibid.*, p. 235.
- ⁶ J. Rossiaud, «Prostitution, Youth and Society in the Towns of Southeastern France in the Fifteenth Century», in R. Foster & O. Ranum, eds., *Deviants and the Abandoned in French Society* (Baltimore: John Hopkins University Press, 1978), pp. 1-46.

- ¹⁷ См. об этом: P.R. Sanday, *Fraternity, Gang, Rape. Sex, Brotherhood and Privilege on Campus* (New York: New York UP, 1990), 203 p.
- ¹⁸ J. Rossiaud, *ibid.*, p. 12.
- ¹⁹ E. Shorter, «On Writing the History of Rape», *Signs*, 3, 1977/1978, pp. 471-482.
- ²⁰ D. Lisak, «Sexual Aggression, Masculinity and Fathers», *Signs*, 16, 1991, pp. 238-262.
- ²¹ *Ibid.*, p. 259.
- ²² S. Jackson, «The Social Context of rape: Sexual Scripts and Motivation», *Women's Studies International Quarterly*, 1, 1978, pp. 29-37.
- ²³ N. Ward Jouve, «*The Streetcleaner*»: the Yorkshire Ripper Case on Trial (London: Marion Boyars, 1986), esp. ch. 12.
- ²⁴ Sh. D'Cruze, «Approaching the History of Rape and Sexual Violence: Notes Towards Research», *Women's History Review*, 1, 1992, pp. 385-387; Sh. D'Cruze, *Crimes of Our age: Sex, Violence and Victorian Working Women* (London: UCL Press, 1998), 263 p.
- ²⁵ K. Bamford, *Sexual Violence on the Jacobean Stage* (Basingstoke: Macmillan, 2000), x, 237 p.; P. Barnett, «„And Shortly for to Seyn They Were Aton'': Chaucer's Deflection of Rape in the „Reeve's'' and „Franklin's Tales''», *Women's Studies*, 22, 1993, pp. 145-162; D. Boebel, «In the Carnival World of Adam's Garden: Roving and Rape in Behn's Rover», in Katherine M. Quinsey, ed., *Broken Boundaries. Women and Feminism in Restoration Drama* (Lexington, The University Press of Kentucky, 1996), pp. 55-70; C. Dinshaw, «Rivalry, Rape, and Manhood: Gower and Chaucer», in Anna Roberts, ed., *Violence Against Women in Medieval Texts* (Gainesville: University Press of Florida, 1998), pp. 137-160; J. Douglas Canfield, «Tupping Your Rival's Women: Cit-Cuckolding as Class Warfare in Restoration Comedy», in Katherine M. Quinsey, ed., *ibid.*, pp. 113-128; Angela Weisl, «„Quiting'' Eve: Violence Against Women in the *Canterbury Tales*», in Anna Roberts, ed., *ibid.*, pp. 115-160.
- ²⁶ P.R. Sanday, *A Woman Scorned. Acquaintance Rape on Trial* (Berkeley-Los-Angeles-London: University of California Press, 1997), xvii, 338 p. (см. рецензию на эту книгу: *Гендерные исследования*, №6, 2002, с. 339-345); S. Sielke, *Reading Rape. The Rhetoric of Sexual Violence in American Literature and Culture, 1790-1990* (Princeton and Oxford: Princeton UP, 2002), viii, 241 p.; G. Vigarello, *A History of Rape. Sexual Violence in France from the 16th to 20th Century* (Cambridge, Polity Press, 2001), vii, 306 p.
- ²⁷ G. Vigarello, *ibid.*, pp. 1-8, 241-244.
- ²⁸ S. Sielke, *ibid.*, pp. 1-11.

- ²⁹ L. Finke, M. Shichtman, «The Mont St. Michel Giant: Sexual Violence and Imperialism in the Chronicles of Wace and Layamon», in Anna Roberts, ed., *ibid.*, pp. 56-74.
- ³⁰ P.R. Sanday, *ibid.*, pp. 288-293.
- ³¹ R. Thornhill, C Palmer, *A Natural History of Rape. Biological Bases of Sexual Coercion* (London, Cambridge (Mass.), The MIT Press, 2000), xvi, 251 p.
- ³² L. Engelstein, *The Keys to Happiness. Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siecle Russia* (Ithaca and London: Cornell UP, 1992), ch. 2 (см. русский перевод: Энгельштейн Л. Ключи от счастья (М.: Terra, 1996)); L. Engelstein, «Gender and the Juridical Subject: Prostitution and Rape in Nineteenth-Century Russian Criminal Codes», *The Journal of Modern History*, 60, 1988, pp. 458-495; Eve Levin, *Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs, 900-1700* (Ithaca and London: Cornell UP, 1995), ch. 5 (см. русский перевод: Левина Е. «Секс и общество в мире православных славян, 900-1700», «А се грехи злые, смертные...» *Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X - первая половина XIX в.)* (М.: Ладомир, 1999), с. 349-385).
- ³³ Мы вынуждены разделять эти подходы к анализу в отечественной литературе, т.к., как парадоксально это ни звучит, гендерный анализ здесь не всегда является феминистским.
- ³⁴ См., например: Лохвицкий А. Курс русского уголовного права (СПб.: Журн. Мин-ва юстиции, 1867), 662 с.; Люблинский П.И. Преступления в области половых отношений (М.-Л.: Л.Д. Френкель, 1925), 246 с.; Набоков В. «Плотские преступления по проекту уголовного уложения», Набоков В. *Сборник статей по уголовному праву* (СПб.: Общественная польза, 1904), с. 88-132; Неклюдов Н.А. Руководство к особенной части русского уголовного права, т. 2 Преступления и проступки противу собственности (СПб.: тип. В.П. Валенса, 1878), xii, 747 с.; Попов А.В. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву (Казань: типо-лит. Имп. Ун-та, 1904), vi, 516 с.; Сергеевич В.И. Лекции по истории русского права (СПб.: тип. Л. Волпянского, 1890), [2], 708 с.; Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Особенная (М.: П.М. Сокуров, 1883), 320 с.
- ³⁵ См., например: Балибалова Д.И., Глущенко П.П., Тихомирова Е.М. Социально-правовая защита женщин. Предотвращение насилия в отношении женщин и детей (СПб., 2001), 179 с.; Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М. и др. Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 году (М.: Academia, 1999), 271 с.
- ³⁶ Сидоренко Ю.И. «Антропсихологические источники насилия и формы их социальной компенсации», *Женщины и насилие в условиях общественных изменений*. Материалы Российской научно-практической конференции, под ред. Н.В. Досиной (Ярославль, 2000), с. 203.

- ³⁷ Щепанская Т.Б. «Зоны насилия (по материалам русской сельской и современных субкультурных традиций)», *Антропология насилия*, под ред. В.В. Бочарова и В.А. Тишкова (СПб.: Наука, 2001), с. 115-177.
- ³⁸ Михайлова О.Ю. Криминальная сексуальная агрессия: теоретико-методологический подход (Ростов-на-Дону: Ростовский ГУ, 2000), с. 3, 105.
- ³⁹ Семенова Н. Д. Ответственность за преступления, связанные с насилием над личностью (Краснодар: Юж. Инст-т менеджмента, 2002), с. 99-111.
- ⁴⁰ Кочкаева Л. «Сексуальные игры и жертвы в интерьере насилия (виктимность и случай)», *Виктимность и сексуальное насилие* (Пермь: Звезда, 2001), с. 21, 24.
- ⁴ Корнева Л., Шаболтас А., Ходырева Н. «О работе кризисного психологического центра для женщин в Санкт-Петербурге (направления и трудности)», *Феминистская теория и практика: Восток-Запад*. Материалы международной конференции, Санкт-Петербург, Репино, 9-12.06.1995 (СПб., 1996), с. 130-135.
- ⁴² Ходырева Н. «Причины физического насилия: сущность рода или дисбаланс власти?», *О муже(Н)ственности: Сборник статей*, под ред. С. Ушакина (М.: Новое литературное обозрение, 2002), с. 161-185.
- ⁴³ Сексуальные преступники: Сб. ст., под ред. Ю.М. Антоняна (М.: НИИ МВД РФ, 1992), 155 с.; Антонян Ю.М., Позднякова С.П. Сексуальные преступления лиц с психическими аномалиями и их предупреждение (М.: ВНИИ МВД СССР, 1991), 104 с.
- ⁴⁴ См.: L. Kelly, *Surviving Sexual Violence* (Cambridge: Polity Press, 1988), xi, 273 p.
- ⁴⁵ J. Radford, L. Kelly, and M. Hester, «Introduction», in J. Radford, L. Kelly, and M. Hester, eds., *Women, Violence and Male Power* (Milton Keynes: Open UP, 1996), p. 3.
- ⁴⁶ C. Corrin, «Introduction», in C. Corrin, ed., *Women in a Violent World Feminist Analyses and Resistance Across «Europe»* (Edinburgh: UP, 1996), p. 1.
- ⁴⁷ M. Maynard and J. Wynn, «Women, Violence and Male Power», in V. Robinson and D. Richardson, eds., *Introducing Women's Studies* (London: Macmillan, 1997), p. 178.
- ⁴⁸ См., например: A. Davis, *Women, Race and Class* (London, Women's Press, 1982), 271 p.
- ⁴⁹ G. Vigarello, *ibid.*, pp. 1-2.